

Павел Парфин

Простое решение

Павел Парфин

Простое решение

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507156

Аннотация

Книга Павла Парфина «Простое решение» – женские фантазии на фривольную тему.

У Ленки Андрейченко, жены Витька Андрейченко, появился любовник. Женщина жила в Сумах, а любовник – в Киеве. Чтобы встретиться с ним, Ленка сказала мужу, что едет в Киев за сапогами, а поехала за любовью. Любовник – молодой талантливый дизайнер, вечно занятый. Он снял женщине номер в гостинице, и Ленка, дожидаясь, когда освободится ее возлюбленный, взялась бродить-путешествовать по Киеву: заходила в магазины, кафе, ботанический сад и даже посетила храм – попала на неожиданную проповедь «Об ангелах, мужчинах и женщинах». Вернувшись после прогулки в гостиницу, Ленка захотела принять душ, но неожиданно провалилась сквозь сливное отверстие... в подванный мир.

Так началось ее сюрреалистическое путешествие по необыкновенному миру, где правил вань-царь, где цвел вань-сад иллюзий и жил малахитовый единорог, где был свой подванный храм, в котором вань-бабушка выступил с проповедью, посвященной, разумеется, воде: «Вода – это голубая плазма,

лучшее агрегатное состояние, в котором может находиться время. Время-плазма...» Проповедь завершилась удивительным обрядом помазания временем, и женщина с замиранием сердца прошла этот обряд, чем повергла вань-батюшку в полное замешательство: Ленка неожиданно остановила ход водяного времени.

Содержание

Он-лайн	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Парфин

Простое решение

Он-лайн

Было начало апреля, пятница. Поздний вечер на железнодорожном вокзале. Вечер, пахнувший старыми шпалами, только-только очнувшимися от зимней спячки, влажным воздухом и душным парфумом людей, собравшихся на перроне, лег на плечи Ленки Андрейченко. Шелковым платком лег, прохладным и нежным, как прощальный взгляд мужа.

Ленка уезжала сегодня в Киев и боролась с соблазном остаться. Мужу сказала: мол, надо съездить на рынок за сапогами, мол, в Киеве сапоги намного дешевле, но за один день вряд ли сможет найти что-нибудь путное, так что жди в понедельник... А сама рвалась в объятия любовника.

Ленка чувствовала, что рядом с мужем у нее непрерывно растет живот (если бы от беременности!), а счастья становится все меньше. Любовник – другое дело... С ним она не чувствовала ни живота, ни ног, теряла голову и становилась все красивей. «Самые красивые женщины те, которых любят», – скажет позже ей один священник. «А те, которые любят сами, красивее первых», – добавляла про себя Ленка.

Сейчас, стоя на перроне в ожидании проходящего поезда,

она мечтала о жадном теле любовника и изводила себя, не в силах сделать окончательный выбор. Ленка завидовала подругам-знакомым, которых такая беда-счастье или обошла стороной, или еще не нашла, или давно уж ими была проглочена вместе с хлебом и дешевым вином...

«Вот Алка Барсук. Пятый год подряд постится, все посты соблюдает, на мясо во время поста не взглянет, а в рот – ни мясной крошки! Ни сил, ни жизни по сторонам глядеть. Я бы так не смогла... А Барсучиха может. Да ей, правда, другого и не остается. Наверное, Бог слышит ее молитвы и защищает. От кого? Хм, видать, от кредиторов, которым Барсуки задолжали кучу денег. А может, я напрасно злорадствую?.. Так или иначе Алка выбор сделала. Даже если и не по собственной воле.

А Людка Гриценко? Хороша, ничего не скажешь. Оттого что с мужем повезло.

Хозяйственный у нее Серега, ко всему руки стоят, все пальцы на месте, а, судя по Людкиным словам, главный палец всегда в небо смотрит... А Людка в это время смотрит по сторонам. Мужчин коллекционирует, как мой меньший значки. И все норовит какой-нибудь редкий экземпляр подцепить. Как это ей только удастся?.. Вот и получается, Людка свой выбор тоже сделала – выбор в пользу всех мужчин, которые ее захотят.

Жену Жени Безсонова, Веру, я, честно говоря, немного недолюбливаю и... Ведь Вера – неисправимая интеллигент-

ка, муж – стареющий мальчик-романтик. Станные люди. Казалось бы, совсем не приспособлены ни к чему, а что-то строят из себя... Но ведь тянет меня к Верке, ой как тянет! Что-то есть в ее душе необыкновенное, какой-то простор! Словно вышла по весне в поле, а сверху солнце пригрело, и весь ледок на сердце тут же и растаял...

Нинка Ходасевич тоже вроде как жена творческой личности. Но оба гораздо более земные. Вадим глину свою на деньги меняет, а Нинка борщи ему варит. Тоже свой выбор сделали. Что-то наподобие синицы в руках.

У Марго Мельниченко вообще нет мужа. Зато есть собственная машина, бизнес и кожаное пончо. Есть еще мужская нахрапистость и габариты, обязывающие называть ее большой и красивой женщиной. Она из тех, которые выбирают по жизни. Правда, ее выбор с течением времени становится все более жалким и требует срочной замены.

Хм, то ли дело я, влюбленная дурочка, полюбила одного селезня, да и с другим хочу жить вместе...»

...Киев начинается с жевательной резинки. «Винтер фреш» приводит мысли в порядок, спасает от зевоты и резиновой улыбки... Поезд «Харьков-Житомир» прибыл в Киев в полседьмого утра. Сойдя со ступенек вагона, Ленка тут же позабыла о нем.

Ленка старалась держаться свободной в стиснувшем ее людском потоке. Вскоре поток, обойдя стороной реставрируемое здание вокзала, а затем обогнув обнесенное дощатым

забором метро, вынес Ленку к стеклянным дверям с надписью «Вхід».

В метро пахло метро: машинным маслом, резиной, людьми, механизмами и недалеким прошлым, когда за пять копеек можно было купить целое приключение... Но Ленка спускалась в свое будущее. С удовольствием спускалась, немного нервничая и оттого потея.

Любовник у нее был странным молодым мужчиной. Красивым, умным и денежным. Работал в какой-то крупной дизайнерской фирме, создавал вещи, названия которых Ленке никогда не выговорить. Высокое и недостижимое возбуждает так же, как низкое, падшее...

Любовник предпочитал заниматься с Ленкой любовью в строго отведенные им для этих занятий часы. Остальное время он проводил на работе или в гордом одиночестве. По большому счету Ленке было наплевать на эти его причуды и странности. Сейчас, сидя в метро, ее увлекало ожидание песни, которой запоеет ее тело, ее душа после четырех-пяти часов классного секса.

...Ленка познакомилась с любовником год и месяц тому назад. Это было первого или второго марта, муж ехал в Киев в командировку: нужно было согласовать с приятелем-коллегой Андреем Фесенко проект нового мини-завода по производству колбасок с паприкой и сыром. Взял с собой Ленку, чтобы подышала Киевом и не застаивалась в родных стенах,

как конь в стойле. В три часа дня (Ленка до сих пор помнит это) они встретились на Михайловской площади: Ленка с мужем, Андрей с мобильным телефоном «Эрикссон» и хорошим знакомым — молодым художником... Художник был с девушкой, неприметной, как мышка. Ленке не понравилась ни девушка художника, ни его имя. Поэтому всю дорогу, пока они путешествовали по Киеву, она обращалась к нему в мыслях и вслух просто: «он».

С утра светило солнце, еще неловкое после зимней спячки, пахло городской весной, инфантильной и ужасно нежной, но к трем часам повалил снег. Он настойчиво пытался засыпать каменную диадему и плечи Великой княгини Ольги, бороды святых апостолов Андрея Первозванного, Кирилла и Мефодия, их вечную Книгу. Снег словно старался обратить каменных святых в свою снежную веру. Постояв недолго у памятника (за это время Ленка успела как следует разглядеть художника), несколько раз отогнав приставучих нищих, промышлявших поблизости, возле ворот Златоверхого Михайловского монастыря, они простились с Фесенко (тому срочно понадобилось куда-то спешить), а сами отправились лениво бродить по центру Киева.

Пройдя по Владимирской, прикалываясь друг над другом, потешно припорошенным мартовским снегом (в этот час они стали одного возраста и темперамента), они повернули возле оперного театра налево и спустились к Крещатику. Было воскресенье — день, когда главная улица города пре-

вращается в Мекку для пешеходов. Они шли по центру Крещатика среди разноцветных вязаных шапочек и воздушных шариков (Ленка заметила: Киев радуется жизни так, будто живет последний день), казацких усов и папах, среди ароматных гольфстримов духов, которыми, кажется, начинает пахнуть снег и брусчатка под ногами. Раза три останавливались: художник, дурачась, прикладывал палец к губам, потом вынимал из-за пазухи плоскую бутылку ужгородского коньяка, разливал в пластмассовые стаканчики. На левой стороне Крещатика, в ста метрах от Бессарабского рынка, уличный музыкант навевал тоску заунывной игрой на жалейке. Но коньяк делал свое дело: разгонял кровь, разгонял тоску...

Художник привел их в «Эру Водолея» – небольшой магазинчик эзотерики, что на Бассейной, в пяти минутах ходьбы от Бессарабского рынка. На ступенях, ведущих в полуподвальное помещение, пахло благовониями, изнутри доносился слабый звон. В магазине вела отсчет все та же уличная реальность, все та же эра третьего тысячелетия. Разве что немного медитативной музыки, конструирующей душу на свой лад, эзотерической литературы, а среди нее – стихов Элиота, прозы Кафки, нэцкэ, пищевых добавок и прочих опять же эзотерических или просто хорошо продаваемых вещей. Ленка купила кассету «Дип Форест», которую потом забыла в ресторане на Андреевском спуске.

Художник сообщил, что через двадцать минут открывается выставка его друзей в галерее «Триптих» на Андреевском

спуске, и они, еще раз хлебнув ужгородского коньяка, рванули обратно – на Крещатик, по Владимирской, через Михайловскую площадь к Андреевскому спуску, на котором, идя в любом направлении, обязательно что-то приобретаешь. Они опоздали, открытие уже состоялось, шампанское было выпито, а помада подруг и поклонниц стерта со слегка впалых щек. Художник попросил молчать виновников торжества, а сам предстал прекрасным гидом в мире масляных пятен и мистификаций.

– ...Неопознанная красота. Инсталляция на полу – «Багдад во время войны. Операция „Буря в пустыне“». Инсталляция на стене вверху – «Иерусалим. Стена плача». Когда слезы высыхают, остается одна соль. Ее кристаллы блестят на солнце разноцветным огнем. Большим запасом жизненных сил и радости... Инсталляция на стене справа – «Крематорий в Испании, родном городе Сальвадора Дали». Я ркие, детские краски – знак беспомощности, растерянности, наивной надежды, блаженства и слабости. Краски постаревших львов. Там есть улицы под дождем, номера домов, номера номеров, паруса, розовая зима, лиловая ночь, звезда юного Ильича, августовская звезда в перчатке, векторы, треугольники и застывший разноцветный воск. Это брызги святого храма, взорвавшегося от избытка настойчивых молитв. Молись светло, но с опаской. Минута молчания для искусства – art'stop. Колокольчик на двери звучит дважды – то эхо уходящего посетителя. Лучше быть похотливым, чем червивым.

Керамика в вогнутом пространстве – попытка вспомнить Тунгусский метеорит. Свет тухнет. Прощай, космос, здравствуй, зимний киевский вечер! Коронованный Zipfer. Seit 1858... Ein Glas Heller Freude. Звезда в белой перчатке в белую петербургскую ночь. Скотч на рану души! Голый заводной механизм на желто-лимонном фоне. XX век в ширину и высоту. Пустая лодка в ананасовом желе. Бирюзовое небо над ночным кладбищем. Клад, б..., ищем! Бутылка черного вина, черный пудинг на обсыпанном мертвецки-бледной мукой столе. Мужчина в синей куртке закуривает неспешно на красной рыбе, висящей над спящим городом. Красной рыбы усом пленена нога мужчины. Но, слава Богу, есть зонт, который защитит от небесного ветра и возможных сомнений в нереальности происходящего. Но это совсем другой угол зрения. Свастика из карт. Рассыпалась. Из карт. Иск art. Искусства иск авторитарным будням...

...Потом, спустившись на двадцать шагов по ставшей скользкой от утоптанного снега брусчатке, они сидели в не очень уютном, зато совершенно пустом кафе. На стенах висели картины, одна из них напомнила Ленке непонятный сериал «Твин Пике». Теперь они пили водку «Союз-Виктан», смотрели на напрасный снег за окном. Пока готовились закуски и салаты, Ленка сидела как на иголках. Она чувствовала, как художник под столом ласкает свою подружку, засунув руку ей между ног, и Ленку это ужасно злило и возбуждало. Они все здорово проголодались, водка только подхлест-

нула аппетит. Жюльены, фаршированные помидоры, севрюга, салат из креветок, английский салат – все было съедено раньше, чем принесли добавочные триста граммов и горячие блюда. От английского салата художник отказался наотрез. Ленка смотрела на молодого человека с недоумением: как можно отказаться испытать эту удивительную вкусовую смесь сырых шампиньонов и в меру терпкого, вяжущего воображение сельдерея?

– Вам не пришлось по вкусу наш английский салат? – осмелилась спросить хозяйка кафе, сама взявшаяся их обслуживать. Это была несколько церемонная дама, явно блюдущая фигуру при хорошем сексуальном аппетите.

– Нет, отчего же. Просто когда я поем этого салата, начинаю вешать.

– Шутите, молодой человек. Нет? Ну, тогда расскажите что-нибудь о моей жизни. Какой будет сегодня вечер, позволит ли мой мужчина...

Художник попробовал салат, удовлетворенно хмыкнул и, не глядя на хозяйку кафе, сообщил:

– На вас открытые трусики «танго». Поэтому советую приобрести соответствующие прокладки.

Ленка чуть не подавилась от смеха.

– Ха-ха-ха! А ведь верно. Да, надо будет купить, – хозяйка, улыбаясь, не сводила с художника глаз. – Если вы сейчас расскажете о моем мужчине, где он, с кем... всякие подробности... ну, вы понимаете, о чем я говорю, я принесу вам

бесплатно еще один салат.

— И водки, — неожиданно подал голос муж Ленки. В этот день он был необыкновенно молчаливым, словно догадывался, что судьба складывается не в его пользу.

— Водки тоже, — подтвердила хозяйка. Художник, наполовину опустошив салатницу, решил, видимо, покуражиться.

— Значит, так, — сооротив серьезную гримасу, он принялся вещать.

Через несколько минут Ленка возненавидела его. Она не находила себе места, ерзала на стуле, налила в рюмку водки, но пить не стала, все слушала, что художник рассказывает о ней и ее муже. Хозяйка, приняв его рассказ за розыгрыш, за хохму, искренне забавлялась, Ленке же было не до смеха. Художник рассказал все или почти все: о Ленкином муже-колбаснике, от которого не дождешься ни колбасы, ни... о детях, которые непрерывно растут и просят есть, о том, что жизнь проходит мимо, как набитая «маршрутка» в часы пик, о домогательствах Ленкиного шефа, порванных колготках, которые ей подсунули на рынке, о больших заботах и редких радостях, о том, что она влюбилась недавно в молодого и творческого, который будет ее любить и беспрерывно мучить, и будет это длиться до тех пор, пока некто, кого сейчас нельзя описать, не назовет ее истинную цену, а ее уникальность связана с каким-то ее временем, которое он не может назвать, и будет это происходить в таком месте, которое никто из сидящих здесь не может даже близко вообра-

зить, где вода служит временем, а женщины похожи на... Как ни странно, первой не выдержала девушка художника. Она выхватила из его рук остатки салата и, смеясь, проглотила. Неизвестно, что она при этом съела, но выражение ее лица тут же изменилось. Повернувшись вполоборота к художнику, она отвесила ему звонкую оплеуху, разрыдалась и убежала, не попрощавшись.

Вернувшись в Сумы, Ленка поняла, что по уши влюбилась...

Любовник снял ей на сутки место в двухместном номере в гостинице «Киев», что на Лыпской, в четверти часа ходьбы от Крещатика.

Уже в семь Ленка была в своем номере на 17 этаже. Любовник освобождался в восемь вечера, без пятнадцати девять они договорились встретиться. До свидания была целая дневная жизнь, и Ленке надо было ее чем-то занять. Первым делом Ленка заняла одну из двух пустых кроватей – ту, что стояла подальше от окна. Ленка боялась сквозняков наравне с супружеской изменой, хотя часто забывалась и изменяла своим страхам. Она открыла балкон и сделала шаг к раскинувшемуся под ней утреннему Киеву. Ветер взъерошил волосы,дохнул таким чем-то свежим и обещающим, что «винтер фреш» показалась вторсырьем. Ленка посмотрела вниз: крыши старых домов и вновь возведенных особняков и офисов показались ей незаправленными постелями, в которых

совсем недавно ночь провела бурную ночь...

Крещатик был широким и сравнительно коротким, как шея борца. Накачанными мышцами, блестящими, словно от пота и масла, выглядели дома послевоенной постройки. В остальном все было очень мило: холеные лица женщин-киевлянок и растерянно-детские глаза приезжих баб, инфантильно-расслабленная молодежь, одетые с иголки мужчины, а рядом или идущие навстречу девушки в неряшливо-дорогом «прикиде» – и бизнес-мены, и голд-герл с мобильными телефонами, прилипшими к ушам. Деревья с угрожающе набухшими почками, кое-где уже показывающими нежно-зеленые язычки, много рекламы сигарет, духов и увеселительных ночных заведений. Ленка любила машины и немного разбиралась в зарубежных марках. Тут и там она натыкалась взглядом на американские легковушки, в основном на «крайслеры», отчего-то это ее радовало. Возможно, причиной тому был летящий, очень ясный и одновременно свободный, непохожий на европейский дизайн авто. А возможно, оттого что все американское у Ленки ассоциировалось с мечтой, и самая главная мечта ее должна была сегодня сбыться...

Перейдя возле разрытого Майдана незалежности Крещатик, Ленка пешком направилась к Андреевскому спуску. Сначала по какой-то улочке вверх, мимо ирландского паба и украинской корчмы, а потом по площади – мимо памятнику Великой княгине Ольги, святому апостолу Андрею Перво-

званному, святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, мимо ворот вновь выстроенного Михайловского золотоверхого монастыря... Дежавю наяву Ленку жутко возбуждало. Проходя мимо храма, Ленка вся затрепетала, взгляд потупила, но, упрямая или счастливая, от встречи с любовником отказываться не стала. Даже в мыслях. А тут еще, как нарочно, в конце Десятинной улицы – красавица Андреевская церковь, больше похожая на великосветскую примадонну, чем на кроткий храм. Странно, но именно вид Андреевской церкви, одновременно роскошный и легкий, придал Ленке уверенности в себе, вселил странную надежду на перемены.

Андреевский спуск до сих пор цокал подковами, и звону тому было свыше тысячи лет. Но даже если это не так, камень звучал для одной Ленки. Она определенно его слышала. Тем временем солнце, поднимаясь все выше, нарочно спотыкалось на стыках камней, шалило. Вот вниз, шелестя дорогими шинами, проехал «мерседес». Это был единственный знак современности. Ну разве что еще матрешки-«кучмы», в которых даже кич не смог перебить плохого вкуса великодержавного мужа-образа... А люди – они одинаковые во все времена. Любопытные, тщеславные, меркантильные, охочие до настоящего искусства и безвкусных безделушек. Так всегда: одни люди выставляются, другие покупаются на их дешевый спектакль. Вон они снуют вокруг картин, картинок, картиночек и карт Торо. Не боятся отдать деньги за фальшивую судьбу.

В одном месте Ленка купила кожаные сережки, длинные, как, казалось ей, ее любовь, в другом – нелепую глиняную фигурку. Сзади в фигурку можно было печально свистеть. Продавец – худенькая девушка с усталыми явно не от табака глазами – окрестила фигурку «тигракотом». Но Ленка, дунув в глиняный зад, немедленно дала новое имя – Пафнутий. Он был с выпученными, как у старого еврея, добрыми глазами и большими ушами, похожими больше на атрибуты рогоносца.

Потом Ленке стало наплевать на логику и географию города. Она слушалась ног, а ноги то и дело сбивались с пути, смущаемые шепотом сердца. А сердце шептало что-то нежное и грешное, не воспроизводимое в приличном обществе. Да пошло оно, общество, в одно место!

«...Ну, куда теперь? В ЦУМе была, мерила плащ за двести долларов на голое тело. Эх, я бы отдалась прямо в нем!.. И во Владимирском соборе была. Какие русские глаза у той Богоматери, что встала во весь рост над входящими. Старушка рядом сказала, что Васнецов расписывал. Но глубоко в собор побоялась заходить – ноги не несли или гордыня душу не пускала... А Ботанический сад?

Это же просто чудо! Словно идешь между грудями земли. По обе стороны крутые холмы поднимаются, будто и в самом деле груди, а вместо сосков – розовые цветы магнолий. Где-то читала, что магнолии чуть ли не самые древние растения на земле. Чуть ли не три с половиной миллиона им! Вот и

выходит, что посчастливилось мне: побывала и в благословенном месте, и там, откуда, может, все начиналось. Странно все это. Но как хорошо! Жизнь словно балует меня, словно дала возможность искупить грех заранее...»

Сильно захотелось есть. В китайском ресторанчике, что в начале Крещатика, куда Ленку снова вынесли ноги, было чисто и не пахло ничем экзотическим. Ленка жадно уминала мясо с шампиньонами, тушеные овощи, салат из морской капусты, что-то в ананасовом соусе, что-то – в вишневом, а что-то сладкое и ужасно перченое. И все запивала густо пахнущим карамелью темным пивом. Если все-таки допустить, что в жизни случаются прекрасные мгновения, то Ленка определенно обедала в их окружении. Она могла попробовать счастье руками и даже проглотить.

Много растительного масла, животного жира, темного пива текло внутри Ленки, наполняя ее желудок. Мысли непрерывно скользили в Ленкиной голове, не оставляя ни следа радости, ни следа сожаления. Минуты тоже проскальзывали, будто смазанные маслом. Сегодня вообще все шло как по маслу: слишком гладко текло время, стык в стык выстраивались события, но Ленку это абсолютно не настораживало. Слишком много масла, жира и пива впустила сейчас в себя Ленка.

Ей захотелось в туалет. Она зачем-то обернулась и вдруг увидела в унитазах свое отражение. В первую секунду ей показалось это очень забавным – янтарный ее портрет, – но

уже в следующий миг она почувствовала легкое беспокойство. Не успев как следует обдумать, что с ней происходит, что на самом деле выдернуло ее из размеренного течения дня, Ленка машинально нажала на смывной рычажок, и вода унесла ее отражение. Правда, вышло это необычно: внизу образовался небольшой водоворот, который сначала разрушил отражение, словно разбил на осколки, а потом втянул эти «осколки» с фрагментами Ленкиного уха, щеки, губ и левого глаза внутрь. «Чертовщина какая-то!» – Ленка в сердцах плюнула в унитаз и быстро вышла.

До встречи с любовником оставалось еще три с половиной часа. Ленка чувствовала, как сильно пульсирует кровь в левом виске, как потеряли скорость и легкость минуты, будто в масле, в котором они скользили, кто-то подсыпал песка или металлических стружек. Ей захотелось в церковь. Она пожалела, что не воспользовалась случаем и не поставила свечку во Владимирском соборе. Ленка вспомнила об одной церкви, которую любил ее сердешный друг, и отправилась на улицу Артема.

«Работа, работа – никакого просвета! Хорошо, церковь есть. Когда заканчивается работа, надеваешь чистое – и в церковь...» – услышала Ленка, стоя у светофора; молодая женщина в белом ситцевом платке негромко переговаривалась с мужчиной с невнятными чертами лица.

Хорошо в самом деле, когда в городе много церквей! В Киеве некоторые церкви похожи на старые деревья. У них

такая мощная корневая система, разросшаяся под улицами и площадями, что асфальт не выдерживает, лопается и пропускает вверх ростки новых домов. Церкви – праматери всего живущего в Киеве, всего построенного и строящегося.

Так размышляла Ленка, шагая по улице Артема, современной, в ярких витринах бутиков, гастрономов, спортивных магазинов и мини-маркетов, в ярких бликах, игравших на окнах и стеклянных дверях офисов фирм и банков, в ярких вывесках и лайтбоксах с Наоми Кемпбел и Стингом, в ярких переживаниях сегодняшнего дня, теснивших друг друга в Ленкиной голове... Но каково же было ее удивление, когда она повернула в Бехтеревский переулок и увидела полуоткрытую калитку в металлических воротах. Контуры калитки точь-в-точь повторяли контуры лукообразного купола русской православной церкви. Ленка вошла в калитку и позабыла, зачем пришла сюда.

В Покровской церкви, крепкой и коренастой, как украинская бабка, с печатью той живой красоты, которая присуща ее немолодым годам, полным ходом шла субботняя служба. Песнопения разливались впереमेжку с ароматом ладана, умиряя гордыню, убавляя печаль, настраивая камертон сердца на смирение и простую радость общения с Богом.

Ленка, ничуть не смутившись своих, может, несколько высокопарных мыслей, в шелковом платке и с желанием обрести утраченное дневное равновесие, поставила четыре свечи перед иконой Богоматери и перекрестилась. Ничего, что не

очень умело и стыдясь немного людей.

В этот момент дьякон умолк, перестав читать псалом, хор тут же подхватил песнопение. «Аллилуйя» понесла к куполу Ленкину душу, а ноги подломила, поставив Ленку вместе со всеми молящимися на колени. Головы в платках, беретах, шляпках и совсем простоволосые, с отблесками огня на макушках, склонились в едином порыве...

И тогда Ленка решила вернуться в Сумы. Нет, она не ненавидела себя и ни за что не корила. Напротив, так было хорошо на душе, такое тепло разливалось внутри, какое не случается даже после рюмки любимого коньяка, что Ленке захотелось поделиться этим своим состоянием с мужем. Странно, но его имя пришло первым на ум, когда ей захотелось поделиться теперешним счастьем.

Но вышел из алтаря батюшка и прочел проповедь, как это ни удивительно, вернувшую Ленку в мыслях к любовнику. Сначала слова батюшки, лица которого Ленка не могла разглядеть, показались ей чуть ли не дерзкими. Потом увлекли ее, заставили задуматься... В какой-то момент проповеди Ленка даже разозлилась на себя за минутную слабость.

Проповедь называлась «Об ангелах, мужчинах и женщинах»:

– ...Псалом – паром к Богу. Успейте прочесть его и отправляйтесь в путь. Да слетятся ангелы на перила, на которые вы опираетесь рукой! И пусть ангел не доступен вашему взору, руки ваши сами возьмутся перебирать его длинные

волосы. Сплетать в тугую косичку, в которой что ни волос, то поворот вашей судьбы. И будет чудо, если ваши руки коснутся других рук: мужские — женских, женские — мужских. И будет еще большим чудом, если вы начнете вместе плести косу ангелу — одну косу на двоих, одну судьбу на двоих. И пусть Господь, увидев это, благословит вас! И удержит ангела подле вас, удержит ровно настолько, насколько отмерено вам счастья.

Потому как однажды извернется ангел и исчезнет прочь, ни разу не показавшись вам на глаза. А руки ваши вслепую продолжат плести косу, которой уж нет. И тогда руки мужские напрасно сплетутся с руками женскими, а те уж совсем напрасно переплетутся с руками мужскими. Когда ангел уходит, люди перестают плести косы и принимаются разглядывать друг друга. И такая печаль находит на Того, кто видит это и не может ниспослать на людей ангелов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.